

3. Дерман А. Б. Работа В. Г. Короленко над «Историей моего современника». — В сб.: Звенья. М.—Л. «Academia», 1934.

4. История русской литературы XIX века (вторая половина). Под редакцией проф. С. М. Петрова. М., «Просвещение», 1974.

5. Короленко В. Г. Собр. соч. В 10-ти т. М., Гослитиздат, 1954—1956.

6. Сокрутенко Е. Е. Русская литература XIX века. К., «Радянська школа», 1935.

7. Сочинения А. И. Герцена с предисловием. Т. I. Цевник. Дилетантизм в науке. Буддизм в науке. Genève—Bale—Lyop, 1875. Фонды Полтавского литературно-мемориального музея. А-1 № 1067.

8. Фабианская В. А. А. С. Пушкин в кругу литературных и общественных интересов В. Г. Короленко. — В сб.: Вопросы русской литературы Вып. 1 (23). Львов, «Вища школа», Изд-во при Львов. ун-те, 1974.

*Кафедра русской литературы
Харьковского пединститута*

С. Г. Борзенко

Тургенев и природа

(Философские мотивы в письмах И. С. Тургенева)

Природа, вызывавшая у Тургенева сложную, противоречивую гамму чувств — как возвышенных, светлых, так и тяжелых, беспокойных — занимала особое место в мировоззрении и творчестве писателя.

Тема природы в мировоззрении и творчестве Тургенева привлекала внимание как дореволюционных, так и советских литературоведов.

В дореволюционном литературоведении сложилось довольно устойчивое представление, что мировоззренческим лейтмотивом в творчестве Тургенева вообще, а во взглядах на природу — в особенности, является пессимизм, «отчаяние и скорбь» [6, с. 58]. Пожалуй, наиболее последовательно и четко эта мысль выражена Н. К. Гудзием [5, с. 160—167], который утверждал, что уже в первых произведениях писателя заложена «вся программа, исходный пункт горьких раздумий, которые не покинут Тургенева никогда» [5, с. 162].

В чем же суть этих «горьких раздумий»? Смертен человек. Бессмертна, но жестока и равнодушна, слепа и властна природа. Отсюда — роковой разлад между человеком и природой, враждебное отношение к ней, припижающей и гнетущей человека. «Чувство страха и невыразимой грусти — вот те ощущения, которые овладевают душой человека, когда он вплотную подходит к природе, остается с ней с глазу на глаз», — пишет Н. К. Гудзий, суммируя свое толкование взглядов Тургенева

[5, с. 166]*. Исследователь подкрепляет свою точку зрения многочисленными ссылками на произведения и высказывания Тургенева разных лет. Безусловно, в выводах Н. К. Гудзия есть доля истины, однако следует отметить односторонность в подборе ссылок и прямолинейную категоричность в толковании взглядов Тургенева.

Справедливо выступая против односторонних представлений о мировоззрении Тургенева, Г. Б. Курляндская подчеркивает, что взгляды писателя на природу следует рассматривать как борьбу противоречивых тенденций [8, с. 44—53; 9, с. 114—130]. Анализируя художественные произведения писателя, привлекая его эпистолярное наследие, Г. Б. Курляндская пришла к выводу, что Тургенев отбросил пессимистическую концепцию жизни, осмыслив диалектические процессы, происходящие в природе, и признав бесконечность мировой гармонии. С этим нельзя не согласиться**.

Цель нашей статьи — выявить, как складывались и развивались взгляды Тургенева на взаимоотношение человека и природы, используя только его эпистолярное наследие, которое с этой точки зрения во всем его объеме еще не исследовалось в нашей литературе. Не затрагивается эта проблема и во вступительной статье М. П. Алексеева к полному собранию писем Тургенева, где характеризуется значение его эпистолярного наследия в целом [12, т. 1, с. 15—144].

Мы исходим из того, что тургеневские взгляды на природу, выраженные в письмах, статьях, заметках и в художественных произведениях, — это не одно и то же. Если в письмах и статьях Тургенев излагает свои взгляды непосредственно, так сказать, в чистом виде, то в его художественных произведениях они выражены опосредствованным путем, то есть всегда специфически вплетены в сложную ткань художественных образов. По нашему мнению, здесь, в сущности, выявляются две самостоятельные (хотя и тесно взаимосвязанные) проблемы, две плоскости исследования: первая — установить взгляды писателя на природу; вторая — выявить, как преломляются они через систему его художественных образов. Предметом рассмотрения статьи является первая проблема.

Свои воззрения на природу Тургенев нигде не излагает целно, систематизированно, ибо они у него постоянно формировались и развивались в общении с природой, в ходе философского образования, в спорах с друзьями,

---

* На это обратил внимание А. В. Чичерин, отметив, что Тургенев видит в природе «хаотическую борьбу радостного и скорбного, уродливого и прекрасного, жестокого и доброго, бессмысленного и разумного. Каждый член антинормии выражен с чрезвычайной силой» [13, с. 44].

** И. Винникова, справедливо подчеркивая различную природу пессимизма в воззрениях Тургенева и Шопенгауэра, к сожалению, не видит, как Тургенев преодолевает свой пессимизм [3, с. 53—73].

Впервые Тургенев сравнительно полно описывает свое восприятие и понимание природы в письме к Б. Арним, написанном в конце 1840 г., очень важного в жизни писателя. «Как для меня значителен 40-й год! Как много я пережил в 9 месяцев!» [12, т. 1, с. 194]. Берлинский университет. Изучение философии Гегеля. Увлечение Гете. «Я все не перестаю читать Гете. Это чтение укрепляет меня в эти вялые дни. Какие сокровища я беспрестанно открываю в нем!» [12, т. 1, с. 176].

Во взглядах на природу, изложенных в письме к Б. Арним, можно проследить влияние гегелевского тождества духа и природы, а также пантеизма, идущего, по-видимому, от Гете*. Тургенев отмечает: «Эта тесная связь человеческого духа с природой... — самое глубокое явление нашей жизни» [12, т. 1, с. 435]. Писатель убежден, что в природе разлит божественный дух, и именно поэтому так естественно сочетается с нею дух человеческий, именно поэтому человек ощущает свое нерасторжимое единство с природой. Природа — «весь живой дух, ставший плотью» [12, т. 1, с. 436]; и в человеке, и в природе живет один и тот же дух, или бог: «...Между Вами и природой нет границы; в обеих живет один и тот же бог, который в Вас сознает себя как мысль, как откровение...» [12, т. 1, с. 437]. В письме к М. А. Бакунину и А. П. Ефремову в августе 1840 г. читаем: «Я всегда живо чувствовал ее (природы. — С. Б.) прелесть, веяние бога в ней» [12, т. 1, с. 195]. В пантеизме Тургенева в этот период, как видим, заметно преобладает идеализм, точнее говоря, идеалистически окрашенный пантеизм.

В дальнейшем пантеизм Тургенева претерпевает существенную эволюцию, начало которой положено, по-видимому, в 1843 г., знаменательном встречами с В. Белинским, философскими спорами с ним, углубленным и увлеченным чтением работ Л. Фейербаха**, наблюдениями над русской жизнью, полной глубоких противоречий, порожденных крепостным строем. В конечном счете, это привело к тому, что пантеизм Тургенева все более наполнялся атеистическим и материалистическим содержанием. Тургенев теперь безоговорочно отвергает традиционный религиозный взгляд на бога как на некое сверхъестественное духовное существо, возвышенное над природой [12, т. 1, с. 442, 449, 470, 481]. «Жизнь, природа или бог», — пишет Тургенев [12, т. 1, с. 481]. Важно отметить, что тождество бога и природы теперь не означает всеобщей ее одухотворенности, веяния духа в ней. Наоборот, природа теперь воспринимается писателем как бездуховная, а поэтому — немая, слепая сила.

---

* Гете в свое время переписывался с Гегелем, и в их творчестве исследователи отмечают следы взаимного влияния [10, с. 19—33; 4, с. 146—192].

** В одном из писем тех лет Тургенев замечает: «Среди всех, кто пописывает теперь в Германии, Фейербах — единственный человек, единственный характер и единственный талант» [12, т. 1, с. 445].

Эти существенные сдвиги во взглядах Тургенева на природу отчетливо обнаруживаются в письмах к П. Виардо в конце 40-х годов. В письме от 29 апреля 1848 г. читаем: «Я не выношу неба... я прикован к земле» [12, т. 1, с. 460]. Подобные мысли высказываются и в письме от 10 июня 1849 года. Не всей природе присуща душа, она лишь в человеке и «немного вокруг нас» как «слабое сияние, которое древняя ночь вечно стремится поглотить» [12, т. 1, с. 470]. Как итог, как обобщение размышлений, не покидавших Тургенева с начала 40-х годов, знаменательно письмо к П. Виардо от 28 июля 1849 г.: «Возвращаюсь к моим звездам; вы знаете, что нет ничего зауряднее представления, будто они внушают религиозные чувства... Но уверяю вас, что вовсе не такое действие производят они на того, кто смотрит на них просто, без предвзятой мысли» [12, т. 1, с. 481]. Природа — цепь взаимосвязанных и в то же время противоречивых явлений и процессов. «Тысячи миров, в изобилии разбросанных по самым отдаленным глубинам пространства, суть не что иное, как бесконечное распространение жизни, той жизни, которая находится везде, проникает всюду, заставляет целый мир растений и насекомых без цели и без надобности зарождаться в каждой капле воды». «...Она (жизнь.— С. Б.) заставляет кровь обращаться в моих жилах без всякого моего участия, и она же заставляет звезды появляться на небе, как прыщи на коже, и это ей одинаково ничего не стоит, и нет ей в том большой заслуги. Эта штука (жизнь, природа. — С. Б.) — равнодушная, повелительная, прожорливая, себялюбивая, подавляющая...», «... все это не может поступать иначе, как следовать Закону своего существования, а это и есть Жизнь» [12, т. 1, с. 481].

Таким образом, жизнь, природу Тургенев характеризует как стихию, как бесцельную, равнодушную **необходимость**, во власти которой находится человек.

Понимание того, что в природе нет всеобщей одухотворенности, что в ней господствует бесцельная, слепая стихия, которой нет дела до человека с его мыслями, переживаниями, заботами, рождает у Тургенева чувство отторженности, тревоги и печали. Эти мотивы возникают с переходом Тургенева на позиции материалистического пантеизма и атеизма в конце 40-х годов и затем не раз проявляются в его переписке. При этом мы нередко встречаем у Тургенева явные или неявные ссылки на Б. Паскаля. Характерно в этом отношении письмо к П. Виардо от 29 апреля 1848 г. [12, т. 5, с. 457—461]. По своей общей тональности оно, по-видимому, непосредственно навеяно чтением Б. Паскаля и созерцанием весенней природы, что и послужило толчком к «философско-пантеистическому настроению ума», о котором говорится в письме: «Жизнь, действительность, ее капризы, ее случайности, ее привычки, ее мимолетную красоту... все это я обожаю» [12 т. 1, с. 460]. Но природа вызывает и чувство горечи, тревоги, ибо жизнь — это миг, «искор-

ка в мрачном и немом океане Вечности» [12, т. 1, с. 458], ибо в природе — контраст «между этой маленькой живой веточкой... которая должна умереть... и этой вечной и пустой беспределельностью, этим небом...» [12, т. 1, с. 460].

Важно подчеркнуть, что эти чувства у Тургенева не перерастают в мрачное или мистическое умонастроение, не переходят в страх или отчаяние. Здесь прямая противоположность пессимистическим выводам и настроению, выраженным в философии Б. Паскаля*. Тургенев отталкивается от одинаковой с Паскалем исходной точки — от осознания конечности человеческого бытия и бесконечности Вселенной. Но выводы и решения у Тургенева и Паскаля отнюдь не совпадают. Паскаль принижает физическую, земную жизнь; человек слаб и ничтожен, поэтому он должен обратиться к богу. Счастье у Паскаля — в отрешении от всего земного, в слиянии с богом, в вере [11, с. 191]. Иной вывод у Тургенева: «Какой бы я ни был атом, я сам себе владыка; я хочу истины, а не спасения; я чаю его от своего ума, а не от благодати» [12, т. 1, с. 449]. «Я прикован к земле. Я предпочту созерцать торопливые движения утки, которая влажно лапкой чешет себе затылок на краю лужи, или длинные блестящие капли воды, медленно падающие с морды неподвижной коровы, только что напившейся в пруду, куда она вошла по колено, — всему тому, что херувимы... могут увидеть в небесах...» [12, т. 1, с. 460].

Позже, 20 июня 1859 г., Тургенев назвал «Мысли» Паскаля «самой ужасной, самой несносной книгой из всех когда-либо напечатанных» и подчеркнул, что Паскаль «растаптывает все, что есть дорогого у человека, и бросает вас на землю, в грязь, а затем, чтобы вас утешить, предлагает вам религию...» [7, с. 184].

Некоторое время спустя, в письме к А. А. Фету в марте 1864 г., Тургенев, говоря о той точке, о том «сокращении атома», «в течение которого мы живем» и по сторонам которого расстилается Вечность, снова упоминает один из исходных тезисов Паскаля. И теперь, как и в 40-е годы, Тургенев делает выводы, по духу своему вовсе не паскалевские. У писателя нет мистического ужаса перед «немой глубиной нихтзейн'а». Его взоры, как и прежде, обращены к земле, к людям, а не к богу: «Как же не воспользоваться этой точкой?» Как же можно «двум приятелям жить в одно и то же время на земном шаре и не подавать друг другу хоть изредка руку?» [12, т. 5, с. 245, 246].

В 70—80-е годы Тургенев, как и прежде, высказывает мысли о природе, как о «слепой, немой, серой, холодной, нелепой,

---

* А. Батюто первый заметил и интересно проследил связь между отдельными идеями Тургенева и Паскаля. Но, как правильно отмечает Г. Б. Курляндская, он слишком преувеличил эту связь [1, с. 38—166; 2, с. 155, 156].

ненасытной, вечной ночи» [12, т. 9, с. 404], «которая даже не знает, что она пожирает!» [12, т. 9, с. 409]. Но, как и прежде, писатель неизменно подчеркивает, что после общения с природой, когда уходишь в царство «сельских ароматов, земляники, птиц, дремлющих лучей солнца и теней», где человек замирает «с каким-то ощущением торжественности, бесконечности», чувствуешь себя лучше, чище, «словно после какой-то сильнодействующей ванны» [12, т. 9, с. 424].

Из письма к Ж. А. Полонской (июнь 1882 г.) узнаем, что пушкинский образ «равнодушной природы» вновь возникает у тяжелобольного Тургенева. Но и теперь он не перестает видеть, как «кругом все зелено, цветет, птицы поют» [12, т. 13, кн. 1, с. 269].

Наконец, в письме от 14 февраля 1883 г. находим проникновенные слова о «поэтическом чувстве природы» [12, т. 13, кн. 2, с. 166] как одном из решающих признаков истинного таланта.

Итак, анализ эпистолярного наследия Тургенева позволяет сделать следующие выводы.

Представления Тургенева о человеке и природе, сложившиеся к 40-м годам, являются пантеизмом преимущественно идеалистического характера: природа и человек растворены в боге. Тождество природы и человека, в которых «живет один и тот же бог», еще не порождает у Тургенева ощущения угнетенности, беспокойства, отторженности. Тургеневская мысль здесь не фиксирует противоречия между человеком и природой, так как при таком идеалистически-пантеистическом подходе его просто не существует.

Следующий этап в развитии взглядов писателя — конец 40-х годов. Тургенев переходит на позиции материалистического пантеизма: бог тождествен с природой как слепой, бесконечной, немой, равнодушной силой. Это приводит к осознанию противоречия между живым, мыслящим человеком с его конечным существованием и вечной, бесконечной, равнодушной природой, что и фиксируется не раз в письмах Тургенева.

Но как человек, прошедший школу гегелевской диалектической философии, Тургенев не останавливается лишь на фиксации выявленного противоречия. Он находит и путь к его разрешению, который состоит в постижении несомненной красоты чувственно воспринимаемой, эмпирической природы, окружающей человека и тождественной жизни. Красота этой природы побуждает к творчеству, в котором человек обретает утешение, счастье и бессмертие.

Понимание того, что человек — это (по словам Вольтера) «минутный мотылек», осужденный на скорую смерть [12, т. 9, с. 257], осмысление природы, как независимой от человека, развивающейся по своим законам, не мешает Тургеневу чувствовать, как «весна улыбается, «светла, блаженно-равнодушна» [12, т. 4, с. 237]. Несмотря на то, что «залитая ясным светом, напоенная ароматами, красотой, покоем земля» часто представ-

ляет собой «сущее поле брани», где всё «яростно, бешено, пожирает друг друга», несмотря на все это, писатель не перестает ощущать восхитительную красоту этой «негодяйки-природы» [12, т. 7, с. 392].

Изъездив чуть ли не целый свет, повидав красоты Италии и Франции, писатель признается, что он ничего не знает «прелестнее наших орловских старых садов» и что «нигде на свете нет такого запаха и такой зелено-золотистой серости... под чуть-чуть лепечущими липами в этих узких и длинных аллеях, заросших шелковистой травкой и земляникою» [12, т. 9, с. 283]. «Чувством родины» назвал Тургенев то «отрадное» поэтическое чувство, которое охватывает человека при виде пленительной родной природы.

Тысячами многообразнейших нитей вплетаются эти философские представления Тургенева в художественную ткань его бессмертных произведений. Но это уже другая тема, которая требует отдельного рассмотрения.

Л и т е р а т у р а

1. Б а т ю т о А. Тургенев-романист. Л., «Наука», 1972.
2. Б а т ю т о А. Тургенев и Паскаль. — «Русская литература», 1964, № 1.
3. В и н н и к о в а И. И. С. Тургенев в шестидесятые годы. Изд-во Саратовского ун-та, 1965.
4. В о л к о в Г. Сова Минервы. М., «Молодая гвардия», 1973.
5. Г у д з и й Н. К. Литературный дебют Тургенева. — В. кн.: Известия Таврического университета. Кн. 1. Симферополь, 1919.
6. Е в л а х о в А. И. С. Тургенев — поэт мировой скорби. — «Русское богатство», 1904, № 6.
7. «Иностранная литература», 1971, № 1.
8. К у р л я н д с к а я Г. Б. О философии природы в произведениях Тургенева. — «Вопросы русской литературы». Вып. 2/17. Изд-во Львов. ун-та, 1971.
9. К у р л я н д с к а я Г. Б. Художественный метод Тургенева-романиста. Приокское книжное изд-во. Тула, 1972.
10. К у р с а н о в Г. А. О мировоззрении гениального поэта и великого мыслителя. — В кн.: Гете И. В. Избранные философские произведения. М., «Наука», 1964.
11. П а с к а л ь Блез. Мысли. М., 1902.
12. Т у р г е н е в И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма в 13-ти т. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1961—1968.
13. Ч и ч е р и н А. В. Ритм образа. М., «Советский писатель», 1973.

*Кафедра русского языка
Львовского медицинского института*